

УДК 904.2

К.С. Диянов

**«ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА» В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. –
ЛАТИНСТВУЮЩИЕ И ГРЕКОФИЛЫ**

Рассматривается один из аспектов греко-западнорусского влияния в России второй половины XVII в. – «писательская община» латинствующих и грекофилов. Автор обращается к тем культурным и «профессиональным» установкам, которые выступали объединяющими началами для представителей «писательского цеха», определяли схожесть принципов, лежавших в основе их литературной и просветительской деятельности.

Ключевые слова: латинствующие, грекофилы, писательская община, барочная культура.

XVII в. был для России временем интенсивных контактов с Западом, а неотъемлемой составляющей этого процесса выступало греко-западнорусское (православно-католическое) влияние. Помимо посредничества в деле культурных заимствований, оно было значимым фактором развития русской культуры, ее трансформации на новых идейных началах. Одним из результатов греко-западнорусского влияния было зарождение в России «латинофильского» и «грекофильского» течений, нашедших свое воплощение в литературной и просветительской деятельности греческих и западнорусских «культуртрегеров». В их число входили писатели и общественные деятели, объединенные схожими условиями творчества, приятельскими и служебными отношениями. По мнению советского литературоведа А.М. Панченко, можно говорить о существовании в России во второй половине XVII в. некоего писательского кружка, литературной общины, основу которой составляли Симеон Полоцкий и его ученик Сильвестр Медведев, а видными ее членами являлись Карион Истомин, Мардарий Хоников, макарьевский архимандрит Тихон, а позднее Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский [1. С. 116].

Объединяющими началами для представителей литературной общины выступали «латинофильство», ориентация на барочную культуру, «просветительские» установки. При этом достаточно замкнутое писательское сообщество не имело фиксированного членства и предполагало значительную творческую самостоятельность ее участников. В этой связи представляется возможным, помимо «латинствующих», включить в писательский «кружок» и деятелей «грекофильского» направления: Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского, братьев Иоанникия и Софрония Лихудов – несмотря на различия, существовавшие между представителями обоих течений, можно

предполагать наличие у них некоторой идейной близости. В частности, на наш взгляд, грекофилы и латинствующие были одинаково причастны к деятельности московской «писательской общины» второй половины XVII в., в равной степени являясь проводниками западного, греко-латинского влияния в России. В пользу этого говорит ряд общих идей и принципов, лежавших в основе их просветительской и литературной деятельности. Отметим некоторые из них.

Большую роль в становлении литературной общины играли личные, творческие и профессиональные связи между писателями. Считается, что Сильвестр Медведев, будучи последователем Симеона Полоцкого, многое перенял из его взглядов, участвовал в литературном творчестве Симеона, в пользу чего, например, свидетельствуют многочисленные поправки и дополнения, внесенные Сильвестром в его сочинения [2. С. 88–89]. При этом, как отмечает А.М. Панченко, литературное сотрудничество писателей основывалось на некотором подчинении: Симеону полагалась роль мэтра, «учителя», а Сильвестру – роль «ученика», исполнителя замыслов и предначертаний своего наставника [1. С. 126]. Ситуация «писатель и ученик», новая для древнерусской литературы, нашла отражение в творчестве латинствующих писателей. Так, «учителем» для Сильвестра Симеон Полоцкий оставался и после своей смерти, на что благодарный «ученик» не преминул указать в написанной по этому поводу «Эпитафии»: «Зряй, человеце, сей гроб, сердцем умилися, / о смерти учителя славна прослезися» [3. С. 512].

Похожие принципы лежали в основе взаимоотношений Евфимия Чудовского и Епифания Славинецкого. Евфимий был учеником Епифания и под руководством своего учителя изучил латинский, польский и греческий языки, занимался переводческой деятельностью. При этом «греко-

фильство» Епифания, несомненно, передалось и Евфимию – по выражению дореволюционного ученого В. Певницкого, «с Епифанием Славинецким явилось в Москву основательное знание греческого языка, без которого нельзя было и шагу ступить в деле исправления» [4. С. 425]. Отметим, что между Евфимием и Епифанием существовала и профессиональная близость – оба они были задействованы в деле книжной sprawy. Причем их служебное сотрудничество также носило несколько подчиненный характер – по данным исследователей, деятельность Славинецкого состояла, главным образом, в подборе греческих книг для нужд книжной sprawy, которые после его одобрения и с его рекомендациями переводились Евфимием [5. С. 34].

Примечательно, что исправление богослужебных книг было «профессиональной» обязанностью не только грекофилов, но и некоторых латинствующих. В разное время справщиками Печатного двора являлись Сильвестр Медведев и Карион Истомина. Служил на Печатном дворе и Мардарий Хоников, написавший в 1679 г. в соавторстве с Сильвестром и Карионом ряд стихов на библейские сюжеты [6. С. 28]. Занятия книжной справой давали писателям доступ к богатой библиотеке Печатного двора, которая, в свою очередь, была общим источником их «книжной мудрости», а также некоторых профессиональных «увлечений». Так, например деятельность Сильвестра Медведева в должности справщика-книгохранителя привела его к созданию первого библиографического труда «Оглавление книг кто их сложил» [7. С. 10].

Заметим, что тема «книги какместилища мудрости», книжного знания как основы любой образованности, была определяющей в творчестве московских писателей второй половины XVII в. – любовь к книге, которую писатели пытались привить юным читателям, была их жизненным принципом. По мнению А.М. Панченко, библиофильство было неременной чертой барочных писателей, для которых книга – это ученый собеседник, и чем меньше человек прочитал книг, тем меньше он знал и ниже ценился в среде интеллектуалов [8. С. 216, 222]. Отсюда и стремление к собиранию книг, которое воплощалось в создании огромных личных библиотек. В среде московских писателей было в обычае обмениваться книгами, завещать их ученикам и друзьям (Симеон Полоцкий завещал свою библиотеку Сильвестру Медведеву, а Епифаний Славинецкий – Евфимию Чудовскому). Библиотеки писателей являлись «филоисторическими собраниями», включавшими в себя самую

разнообразную литературу, преимущественно на латинском, польском и греческом языках. При этом, например, братья Лихуды в составе библиотеки, привезенной ими в Москву, имели даже сборник лекций, которые они слушали, будучи студентами Падуанского университета [9. С. 43].

Другим общим признаком, характерным для всех представителей московского «писательского цеха», является монашество. Причем, если литературной и просветительской деятельностью такие деятели, как Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Дмитрий Ростовский и др., начали заниматься, уже будучи в монашеском сане, то для Сильвестра Медведева пострижение в монахи как раз и означало вступление в «писательскую общину». Считается, что Сильвестр принял монашество под непосредственным воздействием Полоцкого, под влиянием его мировоззрения [10. С. 102]. Подчеркнем, что для Симеона Полоцкого монашество было способом сосредоточения на просветительской деятельности, возможностью отдать творчеству все силы и свободное время, при этом, естественно, испытывая все лишения и «неудобства» монашеской жизни: «Монаху подобает в келии сидети,/ в пост молиться, нищету терпети» [11. С. 108]. В этом отношении, считает А.М. Панченко, общим для писателей был стереотип поведения, который заключался в том, что человек, получивший образование, должен надеть клобук, иначе «земля попечений житейских» покроет его талант [1. С. 157].

Немало общего у представителей «писательского цеха» было и на литературном поприще. Исследователями отмечается, что в том или ином виде элементы барочной культуры находили свое отражение в литературном творчестве всех московских писателей. Барочным писателем, несомненно, был Епифаний Славинецкий, что подтверждается как его переводческой деятельностью (например, именно им был осуществлен перевод гуманистического трактата «De civilitate morum puerilium» («Гражданство обычаев детских») Эразма Роттердамского), так и теми идеями, которые нашли место в его творчестве. В произведениях Славинецкого, пишет советский литературовед А.С. Елеонская, развиваются многие барочные идеи: о взаимосвязанности элементов вселенной, о строгой иерархичности мира; близки Епифанию были и темы, популярные в литературе барокко [12. С. 65–66, 73–74]. Элементы барочного мировосприятия Епифания перешли и к его ученику – Евфимию Чудовскому, который унаследовал от «учителя» не только принадлежность к «грекофильству», но и склонность к поэтической и писа-

тельской деятельности. Так, по мнению Л.И. Сазоновой, увлечение Евфимия стихотворством способствовало восприятию им идей барочной культуры, что позволяет сопоставлять его поэзию с поэтическим творчеством Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Кариона Истомина [13. С. 304]. Похожая ситуация была и в отношении братьев Лихудов, «грекофильство» которых не мешало им разделять некоторые литературные пристрастия латинствующих.

Подчеркнем, что указываемое идейное сходство «грекофилов» и «латинствующих» не было абсолютным – между представителями этих течений существовали противоречия, нередко разгорались споры. Обычно они имели характер ученых бесед по некоторым богословским вопросам, обсуждение которых, однако, могло приводить и к полемике, превращавшейся в «нечаянное состязание» ее участников [14. С. 295–296]. При этом внутри «писательского цеха» иногда возникали и достаточно серьезные разногласия. Например, конфликт Евфимия Чудовского с Симеоном Полоцким, причиной которого стали нападки Евфимия на изданные Симеоном сборники стихотворных псалмов. Полоцкий ответил на критику стихотворной отповедью, где сравнил Евфимия с «хульником стихов» Зоилом, который «ничто успе в людех», «всякие труды зле тщишся судити,/сам не хотя, ни могущь точных положить» [15. С. 92–93]. Евфимий не остался в долгу и сочинял пасквили на Симеона Полоцкого, однако, как замечает А.М. Панченко, эта борьба все же не выходила за рамки литературной полемики, за рамки стихотворных сатир, прозаических пасквилей и эпиграмм [16. С. 372]. Примечательно, что с Епифанием Славинецким Симеон имел весьма доброжелательные отношения, что, в частности, отразилось в стихотворной эпитафии, написанной Полоцким по случаю смерти Епифания: «здесь лежит честный отец Епифаний,/ изследник правый священных писаний/ в многих языках, мнози его труды,/ за что вечная память ему буди» [17. С. 356].

Отметим, что противоречия между писателями «грекофильской» и «латинофильской» ориентации могли быть вызваны личной неприязнью, творческими, литературными разногласиями и прочими причинами частного порядка. «Писательская община» была достаточно условной институцией и вполне могла предполагать наличие между греко-

филами и латинствующими определенных противоречий и даже идейной борьбы. В то же время «писательская община» выступала и той институциональной основой, которая сближала грекофилов и латинствующих, объединяла их в рамках греко-латинского влияния. Имеется ли в виду принадлежность писателей к барочной культуре либо их практическая просветительская деятельность – во всех случаях можно говорить о том, что в основе их мировоззрения лежали похожие культурные установки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
2. Сазонова Л.И. Сильвестр Медведев – редактор Симеона Полоцкого // Теория и история литературы. Киев, 1985.
3. Эпитафия Сильвестра Медведева на смерть Симеона Полоцкого // Хрестоматия по Древнерусской литературе. М., 1994.
4. Певницкий В. Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы XVII в. // ТКДА. Киев, 1861. Т. 2, №8.
5. Сиромеха В.Г. Книжные справщики печатного двора второй половины XVII в. // Старообрядчество в России. М., 1999.
6. Мансветов И. Как у нас правилась церковные книги. Материалы по истории книжной справы в XVII столетии. М., 1883.
7. Сильвестра Медведева «Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и прочем» / Прим. С.А. Белокуров. М., 1886.
8. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
9. Смирнов С.К. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
10. Прозоровский А. Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896.
11. Симеон Полоцкий. «Монах» // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1994. Кн. 3.
12. Елеонская А.С. Человек и вселенная в ораторской прозе Епифания Славинецкого // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII вв. М., 1989.
13. Сазонова Л.И. Евфимий Чудовский – новое имя в русской поэзии XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 44. СПб., 1990.
14. Голубев И.Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26.
15. Симеон Полоцкий. «К гаждателю» // Избранные сочинения. М., 2004;
16. Панченко А.М. Симеон Полоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998.
17. Симеон Полоцкий. «Эпитафий Преподобному отцу Епифанию Славинецкому, богослову и многих язык мужу искусну» // Вирши. Минск, 1990.